

с розовеющими угольками камина, появлялся странный и на первый взгляд немотивированный античный образ:

Не Скуки ль там Циклоп залег,
Он золотого зноя хмелец,
Что, розовея, уголек
В закрытый глаз его нацелен?

В самом деле — почему Скука пишется с большой буквы и оказывается при этом Циклопом, а уголек камина нацелен (и кем?) прямо ему в глаз? Отсыл к известному месту из «Одиссеи» здесь несомненен, но что он означает?

Здесь необходимо помнить, что в той действительности, которую Анненский трактует как пещеру Полифема, Скука — источник не менее грозной (а может быть, и более грозной) опасности, чем Страх. Она оказывается *хозяином* этой действительности, подчиняющим себе духовное существование личности. Вот как реализован мотив скуки в одном из наиболее ключевых стихотворений «Тихих песен» («Идеал»):

Тупые звуки вспыхек газа
Над мертвой яркостью голов
И скуки черная зараза
От покидаемых стволов.
И там, среди зеленолистных,
Тоску привычки затая,
Решать на выцветших страницах
Постыльный ребус бытия.

Эти стихи прекрасно прокомментировал Вяч. Иванов — «библиотечная зала, посетители которой уже редеют в сумеречный час, когда зажигаются, тупо вспыхивая, газовые лампы, между тем как самые прилежные равнители „Идеала“ трудолюбиво остаются за своими местами» [13, с. 17]. Комментарий его тем более ценен, что он основан на карандашных пометах самого Анненского, оставленных на экземпляре «Тихих песен». «Скуки черная зараза» связана здесь с ежевечерним сидением за библиотечным столом в многократных и безнадежных поисках «идеала». Так что здесь перед нами лишь остановка в тихой библиотечной пристани, где человека настигает одурманивающая инерция привычки, связанная с шелестом «выцветших страниц». Анненский в сущности говорит о том суррогате духовного поиска, которым личность сознательно опьяняется в поисках хотя бы иллюзорного выхода из «постылого» и абсурдного бытия.

Если вернуться к «Трактиру жизни», то нетрудно заметить, что вынести кошмар пошлости, окружающей человека, перегар скуки и гробовщика, поджигающего в сенах, можно только забывшись:

Ночь давно снега одела,
Но уйти ты не спешишь;
Как в кошмаре, то и дело:
«Алкоголь или гашиш?»

Алкоголь и гашиш — так сказать, бытовая реализация самой идеи забытья, даже ее бытовая вульгаризация. В принципе эта идея может осуществляться более утонченно, хотя и не менее наглядно. В стихотворении «Тоска» роль такого наркотика выполняет погружение в однообразие повторяющегося рисунка на обоях, где

Свились букетом небывалым
Стального колера цветы.